



SERGEI PROKOFIEV
CINDERELLA

СЕРГЕЙ ПРОКОФЬЕВ
ЗОЛУШКА

СЕРГЕЙ ПРОКОФЬЕВ

ЗОЛУШКА

Балет в трех действиях, соч. 87

Либретто Н. ВОЛКОВА

Большой симфонический оркестр

Всесоюзного радио

Дирижер ГЕННАДИЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Звукорежиссер Игорь Вепринцев



Сергей Прокофьев
Sergei Prokofiev

Балеты Сергея Прокофьева составили существенную часть творческого наследия композитора. «Ромео и Джульетта», «Золушка», «Сказ о каменном цветке» внесли значительный вклад в сокровищницу русского и мирового музыкального искусства и были поставлены на сценах многих театров мира.

Балет «Золушка» был начат Прокофьевым в 1940 году. Однако целый ряд других замыслов—оперы «Дуэнья», «Война и мир», Шестая, Седьмая и Восьмая фортепианные сонаты—на время отодвинули завершение партитуры «Золушки».

Сценическая премьера балета состоялась 21 и 24 ноября 1945 года в Большом театре СССР и была встречена с редким единодушием: поэтическая прокофьевская сказка сразу же вошла в сознание слушателей как художественный символ человеческой правды и красоты.

Музыка «Золушки»—светлая, психологически насыщенная, вся пронизана лирикой, которую сам композитор определял, как «лирику навстречу счастью».

Раскрывая замысел своего балета, С. Прокофьев писал: «Основное, что мне хотелось передать в музыке «Золушки»,—поэтическая любовь Золушки и принца: зарождение и расцвет чувства, препятствия на его пути, осуществление мечты».

Большую роль в моей работе над «Золушкой» сыграла сказочность сюжета, которая ставила передо мной как композитором ряд интересных задач—таинственность доброй феи-бабушки; фантастичность двенадцати карликов, выскакивающих в полночь из часов, отбивающих четку, напоминающая Золушке о возвращении домой; стремительная смена стран света, куда попадает принц в поисках Золушки; живое, поэтическое

дыхание природы в образах четырех фей—времен года: весны, лета, осени и зимы и их спутников. Но авторам балета хотелось, чтобы зритель в этой сказочной оправе увидел живых, чувствующих и переживающих людей. Н. Д. Волков и я обращали большое внимание на драматическую сторону балета. В музыке Золушка характеризуется тремя темами. Первая тема—обиженная Золушка, вторая—Золушка чистая и мечтательная, третья, широкая тема—Золушка влюбленная, счастливая. Я стремился так изобразить в музыке характеры милой мечтательной Золушки, ее робкого отца, придирчивой мачехи, своенравных задорных сестер, горячего юного принца, чтобы зритель не оставался равнодушным к их невзгодам и радостям.

Помимо драматического построения, для меня очень важно было, чтобы балет «Золушка» получился наиболее танцевальным, чтобы танцы вытекали из сюжетной канвы, были разнообразны и чтобы артисты балета имели возможность в достаточной мере потанцевать и показать свое искусство. Я писал «Золушку» в традициях старого классического балета, в ней есть *pas de deux*, адажио, гавот, несколько вальсов, павана, пасье, бурре, мазурка, галоп. Каждое действующее лицо имеет свою вариацию... Хотя сказка о Золушке существует у всех народов, мне хотелось взять ее как настоящую русскую сказку».

I

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был принц, непохожий на обычных принцев. Он ненавидел золоченую мишуру этикета, напыщенные церемонии и церемониалы, до которых принцы вообще большие охотники. Он любил гимнастические упражнения, строительство зданий и кораблей, его влекла деятельная жизнь. Походка принца была размашистой, упругой, движения резки и отчетливы, и про него говорили, что он на трон садится, как в седло.

Когда во дворце давались балы, принц на них немилосердно скучал. Напрасно знатные красавицы пытались овладеть его сердцем: принц отвечал им ледяным равнодушием.

Но вот однажды на одном из балов с принцем произошла необычная история, которая не только нарушила его душевное равновесие, но и круто изменила всю его дальнейшую судьбу.

Дело было весной, когда по какому-то поводу,—а поводов таких было очень много,—должен был состояться очередной праздник. Приглашения, как всегда, были разосланы всем тем, кого полагалось приглашать по регламенту,—дворянам и их семьям. Заранее было известно, как все будет происходить, какие танцы и в каком порядке исполняться, какое будет угощение, фейерверк и прочее.

Беспокойство церемониймейстерам внушал только сам принц, ибо нельзя было предугадать, когда он со своими друзьями соизволит пожаловать и в каком он будет настроении.

Итак, назначенный час наступил. Нарядные гости заполнили просторные, ярко освещенные залы дворца.

Сколько здесь было приглашенных! И важные вельможи, платье которых, казалось, горело от золотого шитья и драгоценных камней, и красивые, нарядные дамы, и блестящие придворные кавалеры, готовые танцевать без усталости. А сколько здесь молоденьких девушек, первый раз в своей жизни приехавших на настоящий придворный бал! У них голова кружилась от всего этого великолепия, а сердце положительно готово было выпрыгнуть от нетерпения поскорей увидеть принца.

Беспокойство церемониймейстеров возрастало с каждой минутой. Все ждали принца, но он не появлялся.

Гости успели протанцевать несколько торжественных, медлительных старинных танцев, а принца все не было! Внезапно звуки мазурки перебили фанфары, в зал стремительно вбежал принц и, как ему и было свойственно, «вскочил на трон, как в седло».

После прибытия принца придворные летописцы начали составлять по заранее заготовленным образцам описание бала для будущих историков, как вдруг откуда-то издали донеслись звуки чудесной музыки. Все оцепенели от удивления: кто это осмелится играть, мешая самому лучшему в мире придворному оркестру?

Волны незнакомой музыки все приближались и приближались и, наконец, достигли такой силы, что двери и окна распахнулись сами собой. И тогда в зале появилась девушка. Она была тонка и стройна, а глаза ее сияли, как звезды.

Ее платье напоминало розовую паутинку, плащ струился как золотой ручей. Цветы для букета были выращены в диковинных садах, а диademу создал такой искусный ювелир, что его украшения надо было бы сразу поместить в витрины музея. Но особенно хороши были крохотные туфельки, которые как бриллиантовые розы сверкали на ножках принцессы. А то, что это была принцесса, и притом знатнейшая, не вызывало ни у кого сомнений.

Однако принц меньше всего обратил внимания на наряд принцессы. Он просто воскликнул: «Да это сама весна!» И не мог не поддаться очарованию той нежности и доброты, которые излучал облик юной девушки. Словом, принц, не знавший до того никаких сердечных волнений, с первого взгляда влюбился в принцессу, и то же как будто случилось и с ней. И хотя на балу все шло по строго обдуманной и установленной программе, во всех уголках и закоулках только и говорили, хотя и шопотом, о принце и принцессе. И уже некоторые особо проницательные и дальновидные дамы сообщали друг другу по



Геннадий рождественский
Gennadi Rozhdvenskiy

секрету, что надо заказывать новые туалеты к предстоящей свадьбе.

Любовь принца и принцессы и впрямь росла даже не по минутам, а по секундам. И, вероятно, все бы и закончилось сразу свадьбой, если бы не старые башенные часы, которые не проявляли никакого интереса к чувствам людей. Так вот, эти самые часы и стали в положенное время показывать на своем циферблате приближение полуночи. А так как полночь—это не просто 12 часов, а срок, когда во всех лучших сказках совершаются решительные события, то все винтики и пружинки почтенного механизма преисполнились особой важности, и маятник положительно готов был лопнуть от сознания стоящих перед ним ответственных задач.

Ровно в полночь с башни слетел густой и хриплый удар. И в тот же миг принцесса так непостижимо быстро исчезла, что никто не мог вспомнить, как все это случилось. Только уже потом кто-то уверял, что видел при этом карликов.

Принцесса же пустилась вперегонки с часами. Часы били да били, а принцесса бежала да бежала по дворцовой лестнице, но когда с особой неумолимостью пробил последний, двенадцатый час, никакой принцессы на лестнице не оказалось. Бежала вниз бедно одетая девушка, и только по бриллиантовым туфелькам можно было догадаться, кто это. Во время побега принцессы с туфельками ее вышла беда: одна из них взяла да и соскочила с ножки. И девушка не только не имела времени надеть ее, но даже поднять. Эту туфельку и поднял принц, который бросился за принцессой в погоню. Принцессу он не догнал (а на ту замарашку, что пробежала мимо, он, конечно, даже не взглянул). Прижимая туфельку к груди, принц тут же поклялся найти во что бы то ни стало обладательницу башмачка.

Пока принц будет решать, как ему это осуществить, попробуем рассказать, кто была на самом деле таинственная принцесса, почему она так стремительно покинула бал, и отчего весь ее пышный убор, кроме туфель, превратился в старое, престарелое платьице.

II

Для того, чтобы разгадать все эти загадки, мы должны пойти на одну из тихих улиц, где в зелени пышных садов дремлют особняки, украшенные геральдическими львами и орлами.

Один из таких особняков принадлежал старому дворянину, имя которого, к сожалению, до нас не дошло. Когда этот дворянин шел на прогулку, соседи смеялись. «Сейчас пойдет дождь»,—говорили они. Так печально было изборожденное морщинами лицо и такие

скорбные складки лежали в углах его губ. По правде говоря, радоваться нашему дворянину было нечему. Хотя он и жил в роскошном доме со львами, но и дом, и львы ему не принадлежали, как не принадлежало и все, что стояло, лежало и висело в апартаментах. Всем этим владела его жена, в прошлом вдова разжившегося откупщика. Как и почему он женился на этой сварливой особе,—он и сам хорошенько не понимал. Вернее всего польстился на деньги, так как у дворянина были лишь потерянный камзол да потускневший герб. Старухе же именно этого герба и не хватало.

Надо сказать, что дворянин был также вдовцом. Несколько лет назад он потерял прелестную жену—воплощение доброты. Эту прелесть и эту доброту она и оставила в наследство своей дочке. Девочка росла как травинка в поле, и когда отец задумал жениться на откупщице, он был уверен, что дочка будет жить в холе и довольстве. Увы, одно дело—мать, другое—мачеха. Не подумал он и о том, что у старухи были свои две дочери, злющие, презлущие—вылитая мамаша.

После свадьбы отец раз и навсегда попал под тяжелый башмак супруги, а девочка была “сослана” на кухню на самую черную работу. Кормили ее объедками, одевали в лохмотья. И постоянно кричали: “Эй, ты, замарашка”. Так что девушка даже забыла, как ее зовут. Оставаясь одна, она говорила себе сквозь слезы: “Бедная Золушка”. Это имя она придумала себе сама, так как от топки печей и каминов вечно была в золе.

В тот самый день, когда во дворце должен был состояться бал, в доме откупщицы с утра дым стоял коромыслом, и бедная Золушка сбилась с ног, выполняя всевозможные приказания. Причина переполоха заключалась в том, что накануне придворный скороход принес господину огромный конверт, в котором лежал кусок толстого глянцевого картона, а на нем золотыми буквами в самых любезных выражениях говорилось, что принц будет счастлив видеть на балу distinguished дворянина и его семейство.

Кого-кого не побывало в этот день у мачехи! Портные и портнихи, модистки и парикмахеры, ювелиры и башмачники, цветочницы и перчаточницы—всем была пожива. И даже дворцовый танцмейстер, несмотря на свою чванливость, не погнушался придти, чтобы получить светским манерам и танцам неуклюжих дочек и свирепую мамашу.

Видя приготовления к балу, Золушка немножко взгрустнула: ей тоже хотелось погандевать на балу. Но свет не без добрых людей, а сказка—добавим от себя—не без добрых фей. Как раз одна из таких фей находилась поблизости. Фея эта была очень, очень старенькая: она прожила не одно столетие, и в царстве фей ее почитательно называли: “фея-бабушка”. Любимым занятием феи-бабушки было спускаться на землю и бродить среди людей под видом нищенки. Прося подавание, она искала тех, у кого бьется в груди золотое сердце; им бабушка становилась лучшим другом.

Попасть в какой-либо дом для бабушки не составляло никакого труда. Она вынимала волшебную палочку, какие имеются у каждой феи, и стоило ей дотронуться до любой стены как стена раздвигалась и пропускала ее, как самая обыкновенная дверь, и когда фея-нищенка появлялась в комнате, никто точно не мог сказать, как это произошло.

И вот, проходя мимо дома откупщицы, фея подумала: “Хорошо бы выпить глоток студенной воды”. Тотчас при помощи палочки она проникла в гостиную, где как раз находилось все семейство. Там же была и Золушка. Фея с протянутой рукой обошла всех, кто находился в комнате. Но старуха и ее наследницы стали гнать бабушку прочь. Старик отец потупил глаза и следливо отвернулся. Только Золушка, у которой в груди билось золотое сердечко, бросилась к своему заветному ларчику, вынула хранящиеся там материнские туфельки и сунула их в суму нищенки. Больше у Золушки ничего и не было. А бабушка улыбнулась приветливо девочке и так же чудесно исчезла, как и появилась.

Мачеха готова была растерзать Золушку за добрый поступок, но у нее не было для этого ни одной свободной минуты. Давно пора было наряжаться, белиться и румяниться—день клонился к вечеру, и пора было ехать на бал.

Наконец, браня всех и вся, нагрузив мужа баулами и плащами, старуха с дочерьми уселась поудобнее в коляску, а на краешке сидения кое-как примостился робкий супруг. Кучер вытянул кнутом застоявшихся лошадей, и все общество покатило во дворец.

III

Когда Золушка осталась одна, она опустилась в кресло и задумалась. Девушка живо представила себе, как она входит в ярко освещенный зал, где много нарядных и красивых кавалеров и дам, как подойдет к ней принц и приглашает ее к танцу. А так как она о балах знала только с чужих слов, то бал ее мечтаний был куда лучше, чем настоящий. Золушка так глубоко ушла в мир грез, что и не заметила, как в комнате снова появилась та самая нищенка, которой она отдала туфельки.

О том, что нищенка была феей и притом могущественной, девушка, конечно, никакого понятия не имела. Поэтому, когда фея-бабушка спросила: “Ты хочешь на бал, девочка?”, Золушка не знала, что ей отвечать. Тем временем фея вынула из сумы туфельки Золушки, которые неизвестно каким образом покрылись бриллиантами, и подала ей: “Возьми, крошка, обуйся”.

Золушка тотчас обулась и, полюбовавшись на свои ножки, робко проптала: “Разве я могу ехать на бал в моем платье—оно все в заплатках?”

Услышав эти слова, бабушка улыбнулась и подумала: “Женщины всегда останутся женщинами, если даже они и Золушки. И это очень хорошо”. А вслух она сказала: “Ну конечно, твое платье не годится для бала. Сейчас поможем горю”.

С этими словами она взмахнула все той же волшебной палочкой и произнесла какие-то самые волшебные слова. Тут, действительно, наступила самая настоящая сказка. На зов бабушки одна за другой прилетели феи четырех времен года. Эти феи были совсем молоденькие, и каждая из них принесла с собой подарок Золушке: платье из лепестков цветущего миндаля, букет великолепных роз, плащ, сотканный самим листопадом, и диадему, сделанную по тем узорам, которые рисует Дед-Мороз на оконных стеклах веселым крещенским вечерком. И весь этот наряд так шел Золушке, что бабушка сказала: “Совсем знатная принцесса. Только не знаю, из какой страны. По-моему, из сказочной. Это, пожалуй, будет самое верное”.

Прежде чем отправить Золушку на бал, фея показала на каминные часы: “Смотри хорошенько”. Из часов неизвестно каким образом выбежали 12 бородастых карликов в колпачках. Фея пересчитала карликов—все 12 были налицо—и сказала: “Запомни, Золушка: как бы тебе ни было весело на балу, думай о старых башенных часах. В них живет очень сердитое существо, которое зовут “полночь”. И когда ровно в 12 часов полночь выйдет погулять, от твоего наряда останется одно воспоминание, а ты снова окажешься в своем старом заплатанном платьице. Феи времен года очень большие мастерицы, но созданные ими наряды чрезвычайно непрочно, как непрочно все, что создано фантазией. Вот туфельки твои останутся на тебе, потому что их оставила тебе твоя добрая мать, а все, что основано на добре, то прочнее прочного”. Карликам фея строго-настрога наказала следить, чтобы Золушка не забыла про полночь. При этом фея сделала страшные глаза и взяла за шиворот двенадцатого: “Помни, что ты отвечаешь, как самый большой, не только за себя, но и за всех братьев!”

Вслед за этим прямо в комнату въехала чудесная золотая карета, запряженная парой золотых лошадей. Арапчата, стоявшие на запятках, ловко соскочили и помогли Золушке получше расположиться на шелковых подушках. И карета словно поплыла по воздуху. Оттого звезды подумали, что появилась новая звезда, и приветливо помахали Золушке мерцающими платочками.

А то, что случилось на балу, вы уже знаете, и остается только до-сказать, чем кончилась вся эта история...

IV

Мы расстались с Золушкой и принцем, когда башенные часы только что пробили злополучную полночь. Вслед за этим, как вы помните, у Золушки и принца оказалось по одной из двух бриллиантовых туфелек. А туфельки же спокон века имеют смысл только тогда, когда они—пара. Поэтому рано или поздно туфельки должны были найти друг друга. А если соединятся туфельки, то соединятся и влюбленные,



Сцена из первого действия
Scene from act I

иначе не стоило бы и туфельку терять.

Когда Золушка обронила на дворцовой лестнице башмачок, она сначала попробовала бежать вприпрыжку. Бежать в одной туфельке, да еще на высоком каблучке, ужасно неудобно, и Золушка быстро сняла уцелевшую туфельку, спрятала на груди и помчалась что есть духу, чтобы вернуться домой раньше мачехи и сестер.

Ехать в золоченой карете всегда удобнее, чем бежать босиком. Но надо уметь делать и то и другое. А Золушка чего-чего, а бежать-то умела. И когда она прибежала домой, там никого еще не было.

Прикорнув за печкой на сундуке, Золушка заснула крепким сном и спала до тех пор, покуда солнечный луч не послал к ней крошечного зайчика, который коснулся ее ресниц и сказал тихоньким голоском: “Пора вставать”.

V

Пока Золушка спала, принц не сомкнул глаз. Теперь у него в жизни была одна цель—найти во что бы то ни стало ту, что обронила башмачок. Принц умел рассуждать логично. Он прежде всего подумал, что туфельку делал какой-нибудь сапожник. А раз так, то следует немедленно разослать по городу мушкетеров, чтобы они созвали всех мастеров шила и дратвы во дворец.

Ровно через полчаса или менее во дворец собрались все сапожники королевства... Но, увы! Никто не знал, кому принадлежит чудесный башмачок.

Принц умел рассуждать логично. По всем признакам, принцесса была заморской, а раз так, то и надо ее искать в заморских краях. Он тут же выпрыгнул в окно, чтобы посетить заморские страны. Из всех возможных способов передвижения принц выбрал крылья любви. И они понесли его вокруг всего земного шара. Где только ни побывал принц, кому только ни пытался примерить он туфельку,—об этом можно было бы написать целый том. У него не было с собой компаса, и можно только чудом объяснить, что в конце концов на рассвете принц все-таки оказался у заставы собственной столицы.

Логика и на этот раз не изменила принцу. Теперь он подумал, что

если принцесса и была заморской, то, исчезнув с бала, вряд ли она решила среди ночи возвращаться в родную страну. Значит, надо искать здесь. И, стяхнув с себя дорожную пыль, он пустился во всю прыть по улицам. Город уже проснулся, хозяйки спешили на рынок за покупками. Иногда принцу казалось, что с корзиной в руках идет его принцесса, и он просил разрешения примерить башмачок. Но испуганные женщины ускоряли шаг, думая, что перед ними сумасшедший. А принц, действительно, несясь, как безумный, пока наконец не попал, совершенно случайно, к тому дому, где жила Золушка.

Окна в доме были раскрыты, а оттуда доносились голоса мачехи и дочек. Принц в ту же секунду перелез через ограду, перемахнул подоконник и оказался в гостиной. Мачеха и дочери были в самых утренних туалетах, с папильотками в волосах. Золушка, как всегда,—в своем единственном сереньком заплатанном платьице. Не взглянув даже на лица дам, принц бросился на колени, вынул башмачок и воскликнул: “Разрешите примерить”. Само собой разумеется, к Золушке эта просьба не относилась, так как принц меньше всего мог предположить, что служанка может быть настоящей принцессой.

Кто был нетерпеливый пришелец, мачеха и дочери догадались сразу, ибо они накануне весь вечер пялили глаза на принца. Обе девицы как по команде вытянули свои ноги, но, увы, туфелька была крохотная, а ноги сестриц—преогромные. Напрасно понукала их мать—туфелька не годилась им. Тогда мамаша сбросила шлепанцы и, вырвав у оторопелого принца башмачок, начала втискивать туда собственную ногу в толстом шерстяном чулке, украшенном черными и красными полосками.

От усилий на лбу у нее выступили капли пота, и мачеха крикнула Золушке: “Что ты стоишь, замарашка, помоги!” А Золушка, действительно, стояла, совершенно сбита с толку. Она спрашивала себя: не снит ли ей принц с ее туфелькой в руке? При окрике мачехи она стремительно бросилась помогать и так низко наклонилась, что вторая туфелька выскочила из своего тайничка, упала на пол и сказала: “Вот и я”. И туфельки нашли друг друга.

Принцу показалось, что у него двоится в глазах. Когда он понял, что примерял туфельку всем, кроме той единственной, которой надо было примерить, он покраснел до корней волос.

И тут появилась фея-бабушка. Ей настолько надоели мачеха и ее дочки и весь этот суетный, скаредный мир, что она решила дать влюбленным наконец возможность остаться наедине. Она перенесла их силой волшебства в дворцовый парк на ту лужайку, которую со всех сторон окружила буйно цветущая сирень, и попросила соловья немного пощелкать. Когда Золушка опустила голову на плечо принца, а принц

нежно обнял ее, фея разостлала перед ними длинную-длинную дорогу. А так как всякая дорога куда-нибудь ведет, то юноша и девушка решили, что дорога приведет их к счастью, и пошли по ней. Кусты сирени задернули за ними зеленую завесу, и сказка о Золушке и принце кончилась сама собой.

СОДЕРЖАНИЕ

I ДЕЙСТВИЕ

1. Вступление (*Andante dolce*). Построено на темах Золушки обиженной и Золушки счастливой, нашедшей свое счастье.
2. Па-де-шаль (*Allegretto*)—танец с шалью. Сцена шитья нарядов. Худышка и Кубышка ссорятся из-за шали, затем танцуют—каждая со своей половиной шали. В конце все, кроме Золушки, расходится.
3. Золушка (*Andante dolce*). Сцена-портрет. Уже знакомую минорную тему обиженной Золушки сменяет другая тема, мажорная, лучезарная. Мечтательный облик обеих тем дополняют оживленные скерцозные эпизоды.
4. Отец (*Andantino*). Содержание сцены шире ее названия: лирическое *Andantino* (сцену Золушки с отцом, построенную на интонациях ее минорной темы) сменяет агрессивно звучащее *Allegro*, характеризующее мачеху, ее нападки на Золушку и ссору с отцом.
5. Фея-нищенка (*Adagio*). Из двух компонентов музыкального образа сначала звучит шемлящий мотив нищенки и уж затем таинственный мотив волшебницы-феи. В конце появляется мелодический фрагмент темы Золушки (Золушка дарит нищенке туфельки своей матери), появляется и исчезает, уступая место волшебнo-фантастическому образу.
6. Поставщики и переодевание сестер (*Vivo*). Характер и ритм музыки передают атмосферу спешки и суеты сборов на бал, кривляния и ужимки танцующих, которые все время угрожают перейти в очередную ссору.
7. Урок танца (*Allegretto*). Юмористическая сценка, комически разыгрываемый гавот, прерываемый репликами танцмейстера.
8. Отъезд мачехи и сестер на бал (*Vivo*). Опять “ритм спешки”. Сменяя друг друга, мелькают обрывки искаженной мелодии гавота, танца с шальями и др.
9. Мечты Золушки о бале (*Andante dolce*). Затаенно звучащую “тему счастья” (ту самую, что так романтически восторженно звучала в музыке вступления) сменяет задумчивый, грустный мотив флейты. Как отзвук-воспоминание всплывают отдельные фразы гавота. Воображение перенесло Золушку в далекий сказочный мир; в музыку неслышно вошел ритм вальса, и зазвучала упительная, нежная мелодия, мелодия будущей встречи Золушки с принцем. Но вот она исчезла, остались одни вальсовые аккорды, и сцена завершает лучезарная тема самой Золушки.
10. Гавот (*Allegretto*). Снова гавот, но теперь уже Золушки. В музыке—легкость, изящество, грация; ничего, что напоминало бы комическую неуклюжесть и ужимки, звучавшие в “Уроке танца”.
11. Второе появление Феи-нищенки (*Adagio*). Фея дарит Золушке волшебные туфельки, и, окруженная сказочным сиянием, появляется “тема счастья”.
12. Вариация Феи весны (*Presto*).
13. Монолог Феи лета (*Andante sognando*).
14. Кузнечики и стрекозы (*Vivace con brio*).
15. Вариация Феи осени (*Allegro moderato*).
16. Вариация Феи зимы (*Allegro moderato*).

17. Прерванный отъезд (*Vivo*). Золушка в сопровождении фей, стрекоз и кузнечиков отправляется на бал.
18. Сцена с часами (*Allegro moderato*). Фея-бабушка подводит Золушку к часам, из которых выскакивают двенадцать карликов, неумолимоых стражей полуночи. По предостерегающему голосу их фанфар Золушка должна будет покинуть дворцовый бал. В конце вновь звучит тема Феи-волшебницы; напутствуемая ее доброй улыбкой, Золушка отправляется на бал.
19. Отъезд Золушки на бал (*Allegro espressivo*). Вальс.

II ДЕЙСТВИЕ

- Действие этого акта, происходящего на балу у принца, открывает танцевальный дивертисмент, в котором общие танцы чередуются с танцами-“вариациями” гостей.
20. Придворный танец (*Andante grazioso*).
 21. Паспье (*Allegretto*).
 22. Танец кавалеров (Бупе) (*Allegro pesante*).
 23. Вариация Худышки (*Allegretto*).
 24. Вариация Кубышки (*Allegretto capriccioso*).
 25. Возобновление придворного танца (*Andante grazioso*).
 26. Мазурка и выход Принца (*Allegro*). О приближении Принца возвещает сигнал духового оркестра на сцене и маршевый, четырехдольный ритм его темы (вразрез со стремительной трехдольностью мазурки).
 27. Вариация четырех сверстников Принца (*Allegro moderato*).
 28. Мазурка (*Allegro ma non troppo*).
 29. Приезд Золушки на бал. *Allegro*, затем *Andante*—выход Золушки на “Теме счастья”.
 30. Большой вальс (*Allegretto*). Встреча с Принцем.
 31. Прогулка (*Allegro tranquillo*). Гости рассматривают Золушку.
 32. Вариация Золушки. (*Allegro grazioso*).
 33. Вариация Принца (*Andante con brio*).
 34. Угощение гостей (*Moderato*). Принц подносит Золушке апельсины. Музыка старинной паваны (Придворный танец), соединенная с мотивом марша из оперы “Любовь к трем апельсинам”.
 35. Дуэт сестер с апельсинами (*Allegro con brio*). Дуэт-вариация в ритме тарантеллы—танца с шальями из первого акта.
 36. Дуэт Принца и Золушки (*Adagio*).
 37. Вальс-кода (*Allegro espressivo*). Повторение вальса отъезда Золушки на бал.
 38. Полночь (*Allegro moderato*). Фантастическая сцена—драматическая кульминация с тревожными фанфарами приближающейся полуночи, неумолимым боем часов, возвещающим наступление рокового часа, отбивающими фантастическую четку карликами и обьятой ужасом Золушкой. Чары доброй феи утратили свою силу, принцесса вновь стала замарашкой. Принц потерял свою Золушку. Но он найдет ее во что бы то ни стало. Сцену завершает патетическая “мелодия счастья”.

III ДЕЙСТВИЕ

39. Принц и сапожники (*Alegro scherzando*). Юмористическое скерцо-марш; сценка, в которой все сапожники королевства, явившиеся во дворец по приказу Принца, так и не смогли установить, кому принадлежит волшебный башмачок, оброненный Золушкой во время ее ночного исчезновения. В поисках Золушки Принц отправляется в кругосветное путешествие. Один за другим следуют три галопа, прерываемые встречами с иноземными красавицами.
40. Первый галоп Принца (*Prest*).
41. Соблазн (*Moderato*, затем *Allegretto*). Первая пара, которую встречает Принц,—испанские красавицы (испанский танец), вторая—эфиопские красавицы (эфиопский танец), далее—новая встреча. Каждая из них завершается церемонией примерки туфельки.
42. Второй галоп Принца (*Presto*).
43. Ориенталья (*Andante dolce*). Принц встречает восточную красавицу (восточный танец).
44. Третий галоп Принца (*Allegro marcato*).
45. Пробуждение Золушки (*Andante dolce*). Опять звучит печальная тема Золушки-замарашки. Но вот комната озарилась первыми лучами солнца, и воспоминания снова перенесли Золушек в дворцовый зал; радость, восторг, упоение; одна вальсовая мелодия следует за другой... Волшебная туфелька напоминает Золушке о пережитом счастье.
46. Утро после бала (*Allegretto capriccioso. Moderato*, затем *Vivo*). Выход Худышки и Кубышки. Они тоже вспоминают о вчерашнем бале. Но, как обычно, все завершается дракой: совместный танец-тарантелла переходит в танец-ссору.
47. Посещение Принца (*Vivace*). Энергичные поиски привели Принца к дому, где жила Золушка. Вот уже прозвучала фанфара его маршевой темы, Мачеха зазывает высокого гостя в дом, Принц через окно вскакивает в комнату и незамедлительно принимается за дело; все поочередно примеривают туфельку—Худышка, Кубышка, потерявшая рассудок Мачеха, все, кроме Золушки. Но вовремя выпавшая туфелька, так надежно запрятанная Золушкой, помогает привести сказку к счастливому концу.
48. Принц нашел Золушку (*Adagio passionato*). Опять звучит Адажио любви, и опять, в третий и последний раз, приходит добрая Фея-бабушка со своей волшебной прекрасной лейттемой.
49. Медленный вальс (*Adagio*). Принц и Золушка в чудесном саду. Опять Адажио. Но в отличие от предшествующего, Адажио осуществленной мечты, “конец сказки”.
50. Аморозо (*Andante dolcissimo*). Симфония осуществленной мечты. Кульминация—эпilog. К Золушке пришло ее счастье.

Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио—один из лучших исполнительских коллективов Советского Союза.

Оркестр был создан осенью 1930 года, его первым руководителем явился известный советский дирижер А. Орлов. Уже в первые годы своего существования оркестр завоевал симпатии публики как превосходный творческий коллектив, обладающий разносторонним и обширным репертуаром.

С 1937 года художественное руководство оркестром осуществлял выдающийся советский дирижер Н. Голованов, а после его смерти А. Гаук. С 1961 года главным дирижером Большого симфонического оркестра является Геннадий Рождественский.

Помимо систематических выступлений по радио и телевидению, оркестр дает концерты в лучших залах Москвы, записывается на грампластинки, нередко выезжает на гастроли в другие города Советского Союза. Репертуар коллектива обширен и включает все основные произведения мировой классической музыки, лучшие сочинения современных зарубежных композиторов.

Особое внимание оркестр и его руководители всегда уделяли советской музыке.

SERGEI PROKOFIEV

CINDERELLA

Ballet in three acts, Op. 87

Libretto by N. VOLKOV

Moscow Radio Large Symphony Orchestra

Conductor GENNADI ROZHDESTVENSKY

Recorded by IGOR VEPRINTSEV

STEREO C 01165-70 (3 records)

Sergei Prokofiev's ballets from a substantial part of the composer's creative heritage. “Romeo and Juliet”, “Cinderella”, “Stone Flower” were important contributions to Russian and world musical art. These ballets have been staged in many theatres of the world.

Prokofiev began to work on the ballet “Cinderella” in 1940 but a number of works that were then under way—the opera “Duenna”, “War and Peace”, Piano Sonatas Nos. 6, 7 and 8, put off the completion of score of “Cinderella”.

Достаточно сказать, что с участием Большого симфонического оркестра впервые были исполнены 27-я симфония Мясковского, оратория “На страже мира”, 7-я симфония и сюита “Зимний костер” Прокофьева, скрипичный и виолончельный концерты, сюита из балета “Спартак” Хачатуряна, 2-я симфония и сюита из музыки к спектаклю “Много шума из ничего” Хренникова, 2-я симфония, скрипичный и виолончельный концерты Кабалевского и другие сочинения.

С коллективом оркестра выступают многие известные советские и зарубежные солисты.

Геннадий Рождественский—дирижер большого и многогранного дарования. Он—воспитанник Московской государственной консерватории, где занимался в классе дирижирования у профессора Н. Аносова и в фортепианном классе профессора Л. Оборина. Помимо Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио Г. Рождественский возглавляет также оркестр Большого театра СССР.

Искусство дирижера получило широкое признание во многих странах мира.

The premiere of the ballet took place on the 21st and 24th of November 1945 at the Bolshoi Theatre of the USSR and met with rare success: Prokofiev's poetic fairy tale was immediately perceived by the audience as an artistic symbol of human truth and beauty.

Psychologically profound and bright in its essence, the music of “Cinderella” is full of lyricism, which the composer himself defined as being “lyricism of the kind that meets happiness half-way.”

Revealing the conception of his ballet Prokofiev wrote: “My principal aim was to convey in ‘Cinderella’ the poetic love of Cinderella and the Prince: the birth and blossoming forth of this feeling, the obstacles the two lovers encounter and the realization of their dream in the end.

The fairy-tale quality of the plot was an essential feature of the ballet and set me a number of interesting tasks—the mysteriousness of kind Fairy Grandmother, the fantastical character of the twelve dwarfs, who jumped out of the clock at midnight while performing a tap-dance reminding Cinderella that it was time she returned home, the swift change of the countries that the Prince visits in his search for Cinderella; the poetic breath of Nature itself in the images of four fairies who personify the seasons: Spring, Summer, Autumn and Winter. But foremostly the authors wanted the spectators to see live people who experience genuine emotions in these fairyland surroundings.

N.D.Volkov and I paid great attention to the dramatical aspect of the ballet. Cinderella is characterized by three themes in the music. The first theme portrays poor little Cinderella, who is daily insulted by all, the second theme speaks of a pure and dreamy Cinderella, while the third extensive theme shows Cinderella, who is happy in her love. I endeavoured to draw the characters of sweet, dreamy Cinderella, her timid father, nagging stepmother and cantankerous sisters and fervent young Prince in such a way that the listener would not remain indifferent to their misfortunes and joys.

Beside emphasizing the dramatic structure of the ballet I wished it to be especially dance-like in quality. So I aimed to introduce the dances in such a manner that they would seem natural in the frame-work of the plot and at the same to give the ballet dancers the possibility of displaying their skill in due measure. I wrote “Cinderella” in the traditions of the old classic ballet and it boasts of a pas de deux, an adagio, a gavotte, some waltzes, pavane, a passepied, bourrée, mazurka, galop. Each character has its own variation . . . and though the story of Cinderella exists in all countries I wanted to present it as a genuine Russian fairy tale”.

I

Once upon a time in a certain kingdom there lived a Prince, who was unlike other princes. He was indifferent to the gilded tinsel of etiquette and pompous ceremonies that princes usually like so much. He was keen on gymnastics, displayed an interest in the construction of buildings and ships and in general showed a partiality for various other useful activities. The Prince's gait was vigorous and flexible and all his movements were somewhat abrupt and it was said that he seated himself on his throne as if it were a saddle.

When balls were given at the palace he was always greatly bored and it was in vain that the most celebrated beauties of the land endeavoured to win his heart, the Prince remained aloof and cold to their advances.

But once at one of such balls an unusual event took place which not only quite upset the Prince's views but greatly effected his fortune.

It was spring. A ball was to be given for some reason, and it should be said there were always many reasons for a ball to be arranged. Invitations were sent as usual to all those who should, according to court etiquette, be invited; to noblemen and members of their families.

Everything was arranged beforehand. What dances and in what precise order they would be danced, what dishes would be served, at what time the fireworks would begin and so on.

The masters of ceremonies were worried only about the Prince for no one could ever tell at what time he and his friends would choose to arrive and what mood he would be in.

And so the ball began and the gayly clad guests filled the vast and brilliantly lighted halls of the palace. How many guests there were there! Among them were pompous nobles, whose costumes glittered with golden embroidery and precious stones, beautiful ladies in fine gowns and smart court cavaliers, who were ready to dance without fatigue till morning. There were also many young girls, who had come to the court ball for the first time in their lives. They were giddy with all this splendour and their hearts were burning with impatience to see the Prince.

The Masters of Ceremonies grew more and more anxious with every minute but still the Prince did not appear.

The guests had already danced a number of old solemn dances and still, no Prince. But suddenly the mazarka was interrupted by fanfares and the Prince rushed into the ballroom and "jumped onto the throne as if into a saddle", as was his habit.

On the Prince's arrival the court chroniclers began to write a description of the ball, according to models compiled in advance, for future historians. All of a sudden sounds of wonderful music coming from afar reached the ears of all present. Struck with amazement, they wondered who this bold musician was, that dared to interrupt the music of the best court orchestra in the world.

The strange music drew nearer and nearer and at last became so loud that the windows and doors flew open of their own accord. At that very minute a maiden appeared. She was slender and beautiful and her eyes shone like stars.

Her dress was like a pink spiderweb while her mantle flowed like a golden brook. The flowers she carried had been grown in wondrous gardens and her diadem was made by such a skillful goldsmith that this ornament was worthy of being displayed in a museum. But the tiny slippers that shone like diamond roses on the little feet of the Princess were most wonderful of all. That this maiden was a Princess and a most eminent one at that, was beyond doubt.

But the Prince paid little attention to the Princess' attire, he merely cried: "It is Spring herself!" He was simply entranced by the tenderness and kindness which lay on the young maiden's face. In other words, the Prince, whose heart had never before been touched, fell in love with the Princess at first sight and the same seemed to have happened to her. And though the ball went on as such balls usually did, still there was whispering on all sides of the Prince and Princess. And the most farseeing and shrewd ladies were saying to each other that they would soon have to order new gowns for the forthcoming wedding.

And indeed, the love of the Prince and Princess seemed to grow every minute, nay, every second. Evidently, everything would have really ended in a wedding then and there if it were not for the old tower clock, that showed no interest in the doings of people. Naturally, when the time came, the hands of this clock began showing the approach of midnight. But we all know that midnight is not merely 12 o'clock but precisely the time when the most dramatic events happen in the best of fairy-tales. So all the little screws and springs of this venerable mechanism took on a consequential air while the pendulum was full to the bursting point with responsibilities it has assigned.

At midnight sharp a hoarse deep chime rang out. At this very minute the Princess disappeared with the same startling unexpectedness with which she had arrived. Later nobody could recall how it had happened, only somebody said that he had seen some dwarfs at that instant.

The Princess began her race with the clock. The clock chimed and chimed, the Princess ran and ran as quickly as she could down the palace staircase and when the last, the twelfth chime sounded the Princess was no longer there.

In her stead a poorly dressed girl was running down the stairs and only by the diamond slippers could one guess who it was. But it so happened that in her flight the Princess lost one of her slippers and the girl had no time to pick it up. It was picked up by the Prince, who had rushed after the Princess. He could not overtake the Princess, and of course, had paid no heed to the sloven whom he had passed. Holding the slipper to his heart the prince pledged to find the owner of it by all means.

While the Prince is deciding how to set about this task we shall tell you who this mysterious princess really was, why she fled from the ball in such a hurry and why her luxurious garments turned into rags and only her slippers remained untouched.

II

To find an answer to this riddle, we must go to one of those quiet streets where mansions, embellished with heraldic lions and eagles, slumber in beautiful gardens.

One such mansion belonged to an old nobleman, whose name we regret to say has not reached us. When this gentleman set out for a walk the neighbours used to laugh and say: "It will rain now" so sad was his wrinkled face and such deep sorrow seemed to dwell in the corners of his mouth. And if the truth be told our nobleman had little reason to be happy for though he lived in a fine house with lions, neither the house, nor the lions nor anything that stood, lay and hung in the chambers were his property. All these things belonged to his wife, the widow of a rich tax-farmer. How and why he married this nag of a woman he himself did not know. Maybe the true reason was that he needed money, for the nobleman possessed nothing but a frayed jacket and tarnished coat-of-arms. And the coat-of-arms was just what the old widow craved for.

It should be mentioned that the nobleman was also a widower. A few years before he had lost his charming wife, who was the personification of kindness itself. When she died she left her charm and kindness as an inheritance to her daughter. The little girl grew like a blade of grass in a meadow and when her father decided to marry the tax-farmer's widow he was sure his daughter would live without knowing poverty. But alas, a mother is one thing and a stepmother is quite another. He also forgot that his second wife had two daughters and both of them were the most wicked of creatures just like their mother.

After the wedding the father became forever an obedient slave to his shrewish woman and the little girl was "exiled" to the kitchen and given the dirtiest work to do. She was fed on leftovers and dressed in cast off clothing. The poor girl forgot her real name. When she was needed, the cry: "Hey, you sloven", was heard. When alone she used to say through tears: "Poor little Cinderella". She called herself thus because she was always covered with soot and ashes from the kitchen fire.

On the day of the court ball this household was all astir and poor Cinderella was quite exhausted from running numerous errands for her stepmother and step-sisters. The reason for this great excitement was the invitation to the ball which the court messenger had brought. It was on a large card with gilded letters and here in the most gallant expressions was written that the Prince would be happy to see the worthy nobleman and his family at the ball.

All day long the house was open to tailors, hairdressers, goldsmiths and cobblers, flower-girls and glove-makers. Even the court dance master though he was a snob at heart came to give the clumsy girls and their mother some points in court manners and dancing.

Seeing all these preparations for the ball Cinderella felt sad for she also wanted to dance at the ball.

But just as the world cannot exist without kind people, so a fairy-tale is not a fairy-tale without a kind fairy. It so happened that such a fairy was nearby. She was very, very old having already lived for many centuries and in fairyland she was called the "Fairy Grandmother" with due respect for her age. This fairy's favourite occupation would be to wander among people in the guise of a beggar -woman. Begging alms she would look for people who had hearts of gold and the Fairy Godmother would become their friend for life.

It was no difficult matter for the Fairy Godmother to gain entrance to any



Сцена из второго действия
Scene from act II



Сцена бала, второе действие
At the Ball. Scene from Act II

house. She would take out her wand, which every fairy usually carries with her, and touch any wall and the wall would open like a door and when the fairy beggar-woman entered a room nobody could say how it had really happened.

Passing by the tax-farmer's house she thought it would be a good idea to ask for a glass of cool water here. So, entering the parlour with the help of her wand she found the whole family, including Cinderella, gathered there. With outstretched hand the Fairy appealed to each one of them in turn for alms. The old woman and her heiresses decided to turn her out. The old father turned away in shame; only Cinderella, who was kind-hearted, ran to her sacred little chest took her mother's slippers out of it there and put them in the beggar-woman's bag. These slippers were Cinderella's only treasure. On taking the gift the Fairy Grandmother gave the girl a sweet smile and disappeared as miraculously as she had appeared.

The stepmother was ready to tear Cinderella to pieces for her kind deed, but she had not a minute to spare that day. It was high time to dress, to powder and rouge her face and depart for the ball as evening was already falling.

Finally, grumbling at everybody and having loaded her husband with numerous bundles and mantles, the old woman and her daughters settled themselves most comfortably in the coach while her husband set on the edge of a seat, and they all drove off to the palace.

III

When Cinderella found herself alone she sat down in an armchair and became very thoughtful. The girl vividly imagined how she would have entered the lighted up ball room, where all the splendid ladies and cavaliers

had gathered, and how the prince would come up to her and invite her to a dance. And as her knowledge of balls was scant, the ball of her dreams was much more brilliant than a real one. Cinderella was so enthralled with her day dreams that she failed to notice that the beggar-woman to whom she had given the slippers had reappeared.

The girl, of course, was entirely unaware that the beggarwoman was a fairy and a very powerful one at that. So when the Fairy Grandmother asked: "Do you want to go to the ball, little maiden," Cinderella did not know what to say. In the meanwhile the Fairy had taken out Cinderella's slippers from her bag, (only now in some unfathomable way they were covered with diamonds) and told Cinderella to put them on.

Cinderella immediately put them on and admiring her feet timidly whispered: "But I cannot go to the ball in my tattered dress."

On hearing these words the Fairy smiled and thought "women will always be women, even if they are Cinderellas and that is a good thing!" Aloud she said: "Of course, your dress is not suitable for a ball. I shall try to help you."

Saying this she waved her magic wand and said some very magic words. And here a real fairy tale came true. Obedient to the Fairy's call four fairies, seasons of the year, flew in. Each of them brought a gift for Cinderella: a dress made of the petals of almond blossoms, a bouquet of beautiful roses, arranged by Autumn herself and a diadem made according to the patterns that grandfather Frost draws on the windows of Christmas eve. These garments suited Cinderella so well that the Fairy exclaimed: "You are indeed quite like a princess. Only I do not know from what country, I think from fairyland."

Before Cinderella left for the ball the Fairy drew her attention to the clock on the mantel-piece saying that Cinderella should look at it very attentively. Quite unexpectedly twelve bearded dwarfs with little caps on ran out. "Remember, Cinderella, though it will be very gay at the ball do not forget about the old tower clock. In it lives a very tiresome creature called "Midnight". And when at 12 p.m. "Midnight" goes out for a stroll your garments will become but a memory and you will be again dressed in rags. The Fairies-Seasons are skillful dressmakers but the garments they make as all things created by fancy are not durable. But your slippers will remain as they are because they were left to you by your dear mother and everything that is based on kindness is the most durable of things." The Fairy sternly ordered the dwarfs to see that Cinderella would not forget about midnight. She took the twelfth dwarf by the scroff of the neck saying "Remember, you are the eldest and therefore responsible for all your brothers."

Soon after this a wonderful golden carriage driven by two golden horses emerged from nowhere. Two little Moors jumped down and helped Cinderella into the carriage, then rode off as such a speed they seemed to be flying through the air. The stars must have thought that a new star had appeared and waved their glittering handkerchiefs in greeting.

You already know what took place at the ball and now it remains we have for us to tell you the end of this story.

IV

We parted with Cinderella and the Prince at the moment when the tower clock had just finished striking midnight. After that, if you remember, the Prince and Cinderella remained with one slipper each. But from times memorable slippers make sense only when they come in pairs. Therefore it was quite in the nature of things that the slippers should sooner or later find one another. And if the slippers unite it is quite logical that the young people should unite too because otherwise there would have been no sense in losing the slipper.

When Cinderella lost her slipper on the palace staircase she first decided to continue her flight hopping on one foot, but it is not an easy matter to run with only one slipper, and especially if it has a high heel. So very soon Cinderella took off the slipper, hid it in the bosom of her dress and continued to run as fast as she could in order to arrive home before her stepmother and sisters.

It is, of course, much more comfortable to ride in a carriage than to run barefooted but one must be able to do both these things. Cinderella was always good at running and so she came to the house before all the others.

Going behind the fire-place, Cinderella lay down on a chest and fell fast asleep and slept soundly until a sun beam gently touched her eyelashes and quietly whispered: "It is time to get up!"

V

And though Cinderella slept, the Prince could not sleep a wink that night. He now had only one aim in life—to find the maiden who had lost the slipper. The Prince had a logical turn of mind. His first thought was that the slipper had been made by a shoe-maker. And in such a case, he argued further, he should send his musketeers with orders to call the cobblers of the city to the court.

Precisely in half an hour or even less, all the shoemakers of the kingdom gathered at the palace. . . But, alas, not one of them knew who the owner of the wonderful slipper was.

As we already mentioned, the Prince was notable for his common sense so he decided that the Princess had come from some distant land and he set forth to foreign countries to look for her there. Of all known means of transportation the Prince chose the wings of love on which he was carried all over the world.

He visited so many states and tried the slipper on so many feet that a whole volume could have been written on the subject. The Prince failed to take a compass with him and only by miracle he returned at dawn to the gates of his own capital.

Once again the Prince argued logically and decided that even if the Princess came from some remote land she could hardly have left for home in the dark of night. So, most likely, she was still in his own city. Brushing off the dust of his night journey he renewed his search. The city was already fully awake and housewives were hurrying to the market. At times the Prince thought that he recognized his Princess in one of them and asked permission to try on the slipper, but the frightened women only quickened their step thinking he had taken leave of his senses. And really the Prince rushed about the streets like one possessed until quite accidentally he reached the house where Cinderella lived.

The windows here were open and the voices of the stepmother and her daughters could be heard. In a minute the Prince was over the fence and through the window. The stepmother and the daughter were dressed in their morning attire and had curlers in their hair. As usual Cinderella wore her only grey patched dress. Without even glancing at their faces the Prince went down on his knees and asking their permission he began trying the slipper on their feet. Quite naturally Cinderella was not included in the enterprise for the Prince could not imagine that a little servant maid could be a real Princess.

The stepmother and her daughters immediately recognized their impatient visitor for they had stared at him at the ball the previous evening. Both the daughters immediately stretched out their feet for the Prince to try on the slipper. But alas—the slipper was a tiny one while their feet were great big ones. Then the mother kicked off her bedroom-slippers and began to squeeze her foot in a thick woolen stocking with black and red stripes into the tiny slipper.

Beads of sweat appeared on her forehead from these efforts and the stepmother shouted at Cinderella to help her get the slipper on. But from the moment the Prince had so suddenly appeared Cinderella had been standing stock still, unable to believe her eyes that it was in truth the Prince with her slipper in his hand. Her stepmother's voice brought her out of her trance and she rushed to help her bending so low that the second slipper fell out from its hiding-place to the floor and thus the two little slippers found each other.

At first the Prince thought that he saw double, then he fathomed that he had fitted the shoe on the feet of all except the one and only maiden whom it could fit and he blushed to the roots of his hair.

At this very moment the Fairy Grandmother appeared. She was so bored with the stepmother and her daughters and all this vain and stingy world that she decided it was high time the young lovers should be allowed to remain

alone. With the help of her magic she transferred them to the court park, where the lawn was surrounded by blossoming lilacs and asked the nightingale to sing to them. When Cinderella put her head on the Prince's shoulder and he tenderly embraced her, the Fairy unfolded a long, long road before them. And

as all roads lead somewhere the young people decided that this road would lead them to happiness. The lilac bushes closed a green curtain after them and so the story of Cinderella and the Prince ended happily as all fairy tales usually do.

C O N T E N T S

A C T I

1. The Introduction (Andante Dolce) is based on the themes of the miserable Cinderella and of the happy Cinderella.
2. Pas-de-châle (Allegretto). Shawl-dance. The scene of dressmaking. The two ugly sisters, one lean, the other fat, quarrel about a shawl, then they dance each one holding a half of the shawl. In the end, everybody, except Cinderella, departs.
3. Cinderella (Andante dolce). A musical portrait where the already familiar minor theme of the unhappy Cinderella gives place to a radiant theme in the major. The meditative air of both these themes is supplemented by vicacious scherzo like episodes.
4. The Father (Andantino). The contents of the scene is broader than its title: the lyrical Andantino (scene of Cinderella and her father founded upon intonations of her minor theme) is followed by an aggressive Allegro, portraying the wicked stepmother, her poor treatment of Cinderella and the quarrel with the father.
5. The Fairy Beggar-Woman. (Adagio). Of the two components of the musical subject the heart-stirring motif of the beggar-woman sounds first while the mysterious motif of the Fairy is introduced later. The melodic fragment of Cinderella's theme (Cinderella presents her mother's slippers to the beggar-woman) appears for a moment, giving place to the fairy image.
6. Preparations for the ball (Vivo). The character and rhythm of the music reproduce the atmosphere of bustling and hurried preparations for the ball, the grimaces and manner of the dancers, whose unfriendly attitude towards each other shows that a quarrel is brewing.
7. Dancing lesson (Allegretto). A humorous scene consisting of a comically executed gavotte, interrupted by the instructions of the dancing-master.
8. The departure of the stepmother and her daughters to the ball (Vivo). The "rhythm of hurry" reappears and fragments of the distorted melody of the gavotte, shawl-dance and other passages intermingle freely.
9. Cinderella's dream of the ball (Andante dolce). The soulful "Theme of happiness", that sounded so romantically in the introduction gives place to the meditative and pensive motif of the flute. And now some phrases of the gavotte recur, like an echo or sweet memory. Fancy takes Cinderella to the distant Wonderland of her dreams. The rhythm of the waltz is introduced bringing with it a tender and delightful melody foretoking the meeting of Cinderella and the Prince. But very soon the melody disappears and only waltz chords continue to sound until the radiant theme of Cinderella is ushered in, closing the scene.
10. Gavotte (Allegretto). Again we hear the Gavotte, but this time it is the gavotte of Cinderella herself. The music is now full of grace and refinement and has now nothing in common with the grotesque gavotte, which sounded in the "Dancing lesson".
11. The second appearance of the Fairy Beggar-Woman (Adagio) The Fairy gives Cinderella the magic slippers and in a halo of enchanting light the "theme of happiness" emerges.

12. Variation of the Spring Fairy (Presto).
13. Monologue of the Summer Fairy (Andante sognando).
14. Grasshoppers and dragon-flies (Vivace con brio).
15. Variation of the Autumn Fairy (Allegro moderato).
16. Variation of the Winter Fairy (Allegro moderato).
17. Interrupted departure (Vivo). Cinderella, escorted by the fairies, dragon-flies and grasshoppers sets off to the ball.
18. Clock scene (Allegretto moderato). The Fairy Grandmother leads Cinderella to the clock from which twelve dwarfs, the guards of midnight, jump out. It is to their signal-fanfare that Cinderella must leave the ball. The theme of the kind Fairy recurs in the end and Cinderella leaves for the ball.
19. Cinderella's departure to the ball (Allegretto grazioso). A waltz sounds here.

A C T II

- This act opens with a dance divertissement at the Prince's ball. Here general dances interchange with dances—variations of the guests.
20. Court dance (Andante grazioso).
 21. Passepied (Allegretto).
 22. Cavaliers' dance (bourree). (Allegro pesante).
 23. Variation of the Lean Sister (Allegretto).
 24. Variation of the Fat Sister (Allegretto capriccioso).
 25. Resumption of the court dance (Andante grazioso).
 26. Mazurka and the entrance of the Prince (Allegro). The Prince's arrival is heralded by the signal of the orchestra of winds on the stage and the march-like quadruple rhythm of his theme as opposed to the impetuous triple meter of the mazurka.
 27. Variation of the four friends of the Prince (Allegro moderato).
 28. Mazurka (Allegro, ma non troppo).
 29. Cinderella's arrival at the ball. (Allegro then Andante). Cinderella appears to the "melody of happiness".
 30. Great waltz. (Allegretto). Meeting with the Prince.
 31. A stroll (Allegro tranquillo). The guests gaze at Cinderella.
 32. Cinderella's variation (Allegro grazioso).
 33. Prince's variation (Andante con brio).
 34. The feast (Moderato). The Prince treats Cinderella to some oranges. Music of the old pavane (Court dance) interblends with the motif of the march from the opera "The Love for Three Oranges".
 35. Duet of the Sisters with oranges (Allegro con brio). Duet-variation in the rhythm of the tarantella—the shawldance from the first act.
 36. Duet of Cinderella and the Prince (Adagio).
 37. Waltz-coda (Allegro espressivo). The recapitulation of the waltz of Cinderella's departure to the ball.
 38. Midnight (Allegro moderato). This fantastic scene is a dramatic culmination embracing anxious fanfares of the approach of midnight, the merciless chimes of the clock heralding the coming of the hour of departure, the dwarfs dancing a frenzied tap-dance and Cinderella lost and in terror. The spell of the kind Fairy is broken and the

Princess again turns into a poor girl clad in tatters. The Prince has lost his Cinderella but he will find her, come what may. The scene closes with the "melody of happiness".

A C T III

39. The Prince and the shoemakers (Allegro scherzando). A humorous scherzo-march. In this scene all the shoemakers of the kingdom come to the court at the Prince's orders, not one can name the owner of the magic slipper, lost by Cinderella during her flight from the court ball. The Prince sets out on his journey around the world in quest of Cinderella. Three galops follow one another, interrupted by scenes where the Prince encounters the beauties of different lands.
40. The first galop of the Prince (Presto).
41. Temptation. (Moderato, then Allegretto). The first pair of beauties whom the Prince meets are Spanish (Spanish dance), the second is an Ethiopian (Ethiopian dance) and so on. Each meeting with the beauties ends with the fitting of the slipper.
42. The second galop of the Prince (Presto).
43. Orientalia (Andante dolce). The Prince meets an oriental beauty (Oriental dance).
44. The third galop of the Prince (Allegro marcato).
45. Cinderella's awakening (Andante dolce). Again the sad theme of poor Cinderella is heard. But the room is lighted up by the first rays of the sun and recollections again transfer Cinderella to the court ball room and one waltz melody gives place to another, bringing with them a feeling of happiness and delight. The magic slipper reminds Cinderella of her joyous experiences of the night before.
46. Morning after the ball (Allegretto capriccioso). Moderato, then Vivo). The entrance of the ugly sisters. They also recall yesterday's ball but as usual everything ends in a fight: the tarantella, danced by these two, turns into a dance-fight.
47. The Prince's visit (Vivace). At the end of his journey the Prince reaches the house where Cinderella lives. After the fanfare of his march theme rings out, the Stepmother invites the honoured guest into the house. The Prince jumps through the window and immediately gets to business: all the women of the household, except Cinderella, try on the slipper. But the slipper that falls out of its hiding place at so opportune a moment, helps the fairy-tale end happily.
48. The Prince finds Cinderella (Adagio passionate). The Adagio of love recurs for the third and last time. The kind Fairy appears to the accompaniment of her wonderful leittheme.
49. Slow waltz (Adagio). The Prince and Cinderella are strolling in a magic garden. Again an Adagio is heard but now it is an Adagio of a dream come true, "The end of the fairy tale".
50. Amoroso (Andante dolcissimo). The symphony of a dream come true. Culmination-epilogue. Cinderella finally finds happiness.

Moscow Radio Large Symphony Orchestra is one of the best orchestras of the USSR.

The orchestra was organized in the autumn of 1930 and its first leader was the eminent Soviet conductor A.I. Orlov. From the very first years of its existence the orchestra won the admiration of the audience as a superb creative ensemble possessing a versatile and extensive repertory.

Since 1937 the direction of the orchestra was exercised by the distinguished Soviet conductor N.S. Golovanov, and after his death—by A.Gauk. Since 1963 the senior conductor of the Large Symphony Orchestra is Gennadi Rozhdestvensky. Apart from systematic performances broadcasted over the radio and television, the orchestra gives concerts in the leading concert-halls of Moscow, its performances are recorded on gramophone records. The orchestra frequently makes tours to other cities of the Soviet Union. Its repertory is diverse and includes all the most significant works of world classical music and the best works of contemporary foreign composers.

The orchestra and its conductors have always given special attention to Soviet music. Suffice it to say that the Large Orchestra was the first orchestra to introduce Miaskovsky's 27th Symphony, Prokofiev's Oratorio "Guard the Peace", 7th Symphony and suite "Winter Campfire", Khachaturyan's concertos for violin and cello, ballet suite "Spartacus", Khrennikov's 2nd Symphony and incidental music to "Much Ado About Nothing", Kabalevsky's 2nd Symphony, concertos for violin and cello and other pieces.

Many prominent Soviet and foreign soloists perform with the Large Symphony Orchestra.

The talent of Gennadi Rozhdestvensky as conductor is brilliant and versatile. He graduated from the Moscow State Conservatory, where he studied in the conductor class of professor N.Anosov and in the piano class of professor L.Oborin. Besides leading the Large Symphony Orchestra, G.Rozhdestvensky also heads the orchestra of the USSR Bolshoi Theatre.

The conductor's mastership has won recognition in many countries of the world.



Сцена из третьего действия
Scene from act III



MADE IN USSR

МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК

STEREO C 01165-70 (3 records)

ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК

MELODIYA
USSR RECORDS FIRM

STEREO

MADE IN USSR

0033

1 (6 сторон)
33C—01165(а)

ТУ Ф-16
Вторая гр.

С. ПРОКОФЬЕВ. ЗОЛУШКА
S. PROKOFIEV (1891—1953)
CINDERELLA. Ballet in 3 acts, op. 87
Libretto by N. Volkov

Act I

1. Introduction 2. Pas-de chale 3. Cinderella
4. The father 5. The Fairy Beggar 6. Outfitters
and the change of clothes by the sisters
7. Dancing lesson 8. The departure of the
stepmother and sisters to the ball
Moscow Radio Symphony Orchestra
conducted by G. ROZHDESTVENSKY

MELODIYA
USSR RECORDS FIRM

STEREO



0033

MADE IN USSR

2 (6 сторон)
33C—01166(a)

ТУ Ф-16
Вторая гр.

С. ПРОКОФЬЕВ. ЗОЛУШКА
S. PROKOFIEV (1891—1953)
CINDERELLA. Ballet in 3 acts, op. 87
Act I (end)
9. Cinderella's day-dreams of the ball 10. Gavotte
11. The second appearance of the Fairy Beggar
12. Variation of the Spring Fairy 13. Monologue of
the Summer Fairy 14. Grasshoppers and dragon-flies
15. Variation of the Autumn Fairy
16. Variation of the Winter Fairy
17. Interrupted departure 18. Clock scene
19. Cinderella's departure to the ball

33C01166(a)

MELODIYA
USSR RECORDS FIRM

STEREO



0033

MADE IN USSR

3 (6 сторон)
33С—01167(а)

ТУ Ф-16
Вторая гр.

С. ПРОКОФЬЕВ. ЗОЛУШКА
S. PROKOFIEV (1891—1953)
CINDERELLA. Ballet in 3 acts, op. 87
Act II

20. Court dance 21. Passepied 22. The cavaliers
dance (Bouree) 23. Variation of the Bony One
24. Variation of the Stout One 25. Resumption of
the court dance 26. Mazurka and the appearance
of the Prince 27. Variation of the
four coevals of the Prince 28. Mazurka
29. Cinderella's arrival at the ball
30. Grand waltz

MELODIYA
USSR RECORDS FIRM

STEREO



0033

MADE IN USSR

4 (6 сторон)
33C—01168(a)

ТУ Ф-16
Вторая гр.

С. ПРОКОФЬЕВ. ЗОЛУШКА
S. PROKOFIEV (1891—1953)
CINDERELLA. Ballet in 3 acts, op. 87
Act II (end)
31. A stroll. 32. Cinderella's variation
33. The Prince's variation 34. The feast for the guests
35. Duet of sisters with oranges 36. Duet of the
Prince and Cinderella (Adagio)
37. Waltz—coda. 38. Midnight

MELODIYA
USSR RECORDS FIRM

STEREO



0033

MADE IN USSR

5 (6 сторон)
33С—01169(а)

ТУФ-16
Вторая гр.

С. ПРОКОФЬЕВ. ЗОЛУШКА
S. PROKOFIEV (1891—1953)
CINDERELLA. Ballet in 3 acts, op. 87
Act III
39. The Prince and the cobbler
40. The first galop of the Prince 41. Temptation
42. The second galop of the Prince 43. Orientalla
44. The third galop of the Prince
45. Cinderella's awakening

33С—01169/3-1

5

MELODIYA
USSR RECORDS FIRM

STEREO



0033

MADE IN USSR

6 (6 сторон)
33C—01170(a)

ТУ Ф-16
Вторая гр.

С. ПРОКОФЬЕВ. ЗОЛУШКА
S. PROKOFIEV (1891—1953)
CINDERELLA. Ballet in 3 acts, op. 87
Act III (end)
46. Morning after the ball 47. The Prince's visit
48. The Prince finds Cinderella
49. Slow waltz 50. Amoroso
Moscow Radio Symphony Orchestra
conducted by G. ROZHDESTVENSKY

33C—01170/2